

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

КНИГА ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Л, **Ф. Киселева**

Рекомендовано Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Москва

УДК 94(47) (075.8) ББК 63.3(2)я73 К89

§ 4 в главе VI написан кандидатом исторических наук **А. С. Королевым** § 2 в главе XVIII, а также главы XXI и XXII написаны кандидатом исторических наук

В.А. Волковым

Хронологическая таблица составлена

Ю.В. Колинено

Кузьмин А. Г.

К89 История России с древнейших времен до 1618 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 кн. / А.Г. Кузьмин. – М. : Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Кн. 2. □ 464 с. ISBN 5□691□01047□6. ISBN 5□691□01049□2(Кн. 2) (в пер.).

УДК 94(47) (075.8) ББК 63.3(2)я73

© Кузьмин А.Г., 2003

§4. НАЧАЛО КНЯЖЕНИЯ ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА

Василий I Дмитриевич (1371 – 1425), став великим князем в 1389г., почти сразу же, в 1390 г., возвращает в Москву митрополита Киприана. Теперь у Киприана не оставалось конкурентов ни среди светских, ни среди духовных князей. У молодого Василия сразу возникли разногласия с Владимиром Андреевичем, который, видимо, пытался вернуть отобранные Дмитрием города. И вскоре Василий уступил старшему по возрасту князю и традиционно пользовавшемуся поддержкой митрополита: «удели ему неколико городов, вда ему Волок да Ржеву». В том же 1390 г. Василий Дмитриевич исполняет свое обязательство и женится на *Софье Витовтовне* (1371–1453), дочери литовского князя Витовта. Так состоялся брак, которому столь долго противился отец Василия Дмитрий Донской.

Внешние обстоятельства на первых порах помогли московскому князю: владевший Средней Азией, хан «Большой Орды» *Тимур* (Темир Аксак, Тамерлан), оказавший в свое время большую помощь Тохтамышу, был возмущен неблагодарностью своего подопечного. Уже в 1383 г. Тохтамыш чеканил монеты со своим именем в Хорезме, который Тимур считал своим владением. В 1391 г. двухсоттысячное войско Тимура, вышедшее на левобережье Волги (долина Кундурчи), нанесло Тохтамышу весьма чувствительное поражение, и можно было ожидать повторения подобных нашествий в будущем, тем более что разногласия не были урегулированы. Этим обстоятельством воспользовались и в Литве, и на Руси. В 1392 г. Витовт (не без помощи польских иерархов, надеявшихся обратить Витовта в католичество) овладел столицей Вильно, и хотя Ягайло оставался «королем» польским и литовским, фактически под началом Витовта оказалась большая часть литовских и западнорусских земель. В том же году и Василий Дмитриевич добился большого успеха, получив в Орде согласие на подчинение Нижегородского княжества Москве.

В летописях это событие подано различно. *В летописях, отражающих тверскую*

традицию (в частности, в Рогожском летописце), этот акт осуждается: московский князь добыл княжение «златом и серебром, а не правдою». Переход княжества под власть Москвы рассматривается как следствие «алчности» князя, которая может привести к «концу вселенной». С одной стороны, в этих летописях защищается сложившийся порядок («каждый держит отчину свою»), с другой – осуждается привлечение в решение междукняжеских разногласий татарских ханов. Вместе с тем в этих летописях обличаются нижегородские бояре, которые отказали в поддержке князю Борису Константиновичу и прямо заявили, что они на стороне московского князя. В *пром*

осковских летописях второй половины XVв.

такое осуждение снимается своеобразной перестановкой мест: сначала московская рать берет Нижний Новгород, а уж затем князь получает на него ярлык в Орде. Обращение в Орду за помощью в это время однозначно осуждается, но идея объединения земель вокруг Москвы превращается из узкокорыстной в государственную, первостепенной важности задачу.

В **1392 г.** скончался Сергей Радонежский. Близкие по времени летописи (Рогожский летописец, Троицкая летопись) дают теплую, но лаконичную запись об этом. Нет сведений о похоронах и упоминания лиц, прибывших отдать последний долг усопшему. В частности, митрополит Киприан, видимо, вообще отсутствовал, объезжая епархии Литовской Руси или помогая Витовту утвердиться в Вильно. В позднейших летописях даются извлечения из разных редакций жития, наиболее полно использованных в Никоновской летописи.

Выше упоминалось о бегстве из Орды Василия Дмитриевича Суздальского. В 1394 г. в Суздале скончался Борис Константинович – последний нижегородский князь, а Василий Дмитриевич Суздальский и его брат Семен теперь бегут от московского князя в Орду. При этом им приходится обходить выставленные для их поимки заставы.

1395 г. был ознаменован тотальным поражением Тохтамыша от Тимура Аксака на реке Тереке. Тохтамыш ушел в Крым, а затем, по договоренности с Витовтом, бежал в Литву «с царицами да два сына с ним». В Орде воцарился *Тимур* *Кутлуг*, один из служивших Тимуру ханов, участвовавший в сражении на Тереке, за спиной которого стоял эмир Едигей. Тимур Аксак прошел через степь и дошел до земель Северо-Восточной Руси. Василий Дмитриевич вышел с войском к Оке, оставив в Москве Владимира Андреевича. Но Тимур, дойдя до Ельца, прикрывавшего юго-западные пределы Рязанского княжества, разорив его, повернул назад, чем вызвал понятную радость в Москве.

И в этой связи ход событий по источникам стоит сопоставить с извлечением из цитированного сочинения Л.Н. Гумилева: «Все бы сошло Тохтамышу, если бы на него не напал Тимур... Татары героически сопротивлялись. И потребовали, Конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женитьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда». Здесь очевидные трудности не только с историей, но и с географией.

Витовт в конце 90-х гг. XIV в. вел борьбу за Смоленск и земли по верховьям Оки с рязанским князем и готовился к большому походу на Тимур-Кутлуга. Московский князь в борьбе за Смоленск не участвовал и был вполне расположен к тестю, встречаясь с ним в захваченном литовцами Смоленске. Но бегство Тохтамыша в Литву и подготовка Витовтом похода на Тимур-Кутлуга и Едигея, сопровождавшаяся обнажением действительных устремлений Витовта и поддерживавшего его Киприана, заставили послушного зятя занять (конечно, не без воздействия московского боярства) более самостоятельную позицию.

Рогожский летописец и Троицкая летопись дают разную оценку происходящего. Первая коротко сообщает о неудаче Витовта, вторая и позднейшие летописи дают более развернутое описание с явно антилитовскими акцентами. Витовт собрал большое войско, в числе которого были, помимо литовцев, двор Тохтамыша, немцы, ляхи, волохи, подоляне, жмудь, татары – всего 50 князей. Здесь отмечается бахвальство Витовта, говорится, что «прежде бо того съве-щашася Витофт с Тахтамышем, глаголя: аз тя посажу въ Орде на царстве, а ты мя посадишь на княжении на великом на Москве, на всей Руской земли». По Никоновской летописи, предполагалось, что Тохтамыш станет царем «на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтаркани, и на Заяицкой (т.е. за Яиком. – А.К.) Орде, и на всем Приморий (имеется в виду побережье Черного моря. – А.К.), и на

Казани». *Витовт в этой интерпретации должен был владеть «Се-вершиною, Великим Новым городом и Псковом и Немцы, всеми великими княжениями Русскими».*

Именно

позиция московского боярства и духовенства,

выраженная летописями, заставляла Василия хотя бы обозначать себя вполне самостоятельным московским и «великим владимирским» князем.

В планах Витовта были и варианты. В одном из них предполагалось отдать Псков за помощь Ордену, а в Новгород он намеревался направить своих наместников. *Киприан, по существу, освящал эти планы, перебравшись в Вильно.*

Москве поневоле пришлось реагировать на далеко идущие намерения литовского князя, собиравшегося стать «королем литовским и русским» «всея Руси». После нескольких лет прямых военных действий московского князя против новгородцев, склонявшихся к союзу с Орденом, был восстановлен мир «по старине», т. е. на ранее сложившихся условиях (Новгород тоже не устраивала перспектива перехода под власть литовских наместников). Подтверждены были и мирные соглашения с Тверью. Под 1399 г. в Троицкой и других летописях этой традиции сообщается, что зимой Киприан побывал в Твери и затем поехал к Витовту. Весьма вероятно мнение, что митрополит пытался склонить тверского князя на сторону Витовта, но, не добившись успеха, уехал в Литву. Мирный договор Москвы с Тверью был заключен

после

отъезда Киприана, и летописец с воодушевлением записал, что «покрепиша миру и съединишася Русстии князи вси за един и бысть радость велика всему миру». И «того же лета послаша князи Русстии грамоты разметные к Витовту». «Разметные» грамоты означали разрыв прежних договоренностей.

Битва между войском Витовта и войсками Тимур-Кутлуга, решавшая судьбу всей Восточной Европы на длительную перспективу, произошла **12 августа 1399 г.** на реке Ворскле и закончилась поражением союзных войск, а самому Витовту пришлось бежать «в мале дружине». Дается внушительный список имен погибших князей, в числе которых братья Ольгердовичи Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский («Дебрянский»), служившие ранее Дмитрию Донскому. Для Москвы такой итог снимал многие проблемы. Возвращение Киприана в Москву означало, что «митрополит всея Руси» признавал именно Москву столицей этой, пока абстрактной, «всея Руси». В Смоленск снова вернулся из Рязанской земли Юрий Святославич, и Москва содействовала этому (на дочери Юрия женится брат Василия Юрий Дмитриевич, антилитовские настроения которого проявятся в позднейших событиях).

В интересах Москвы было бы более длительное противостояние Витовта и Едигея – фактического правителя Золотой Орды. Но после ограбления сравнительно малых территорий Правобережья Днепра и получения «окупа» с Киева в размере 3000 рублей ордынское войско повернуло назад к Волге и Причерноморью. Правители Орды, видимо, не хотели обострять отношений с польскими феодалами, которые оказали Витовту лишь номинальную поддержку, а главное – хотели сохранить Литву как постоянный противовес Москве. Теперь активизируется политика новых правителей Орды на московском направлении, что, в свою очередь, способствовало смягчению противостояния Москвы и Вильно.

Видимо, не без влияния ордынской дипломатии в 1400 г. Новгород направлял посольство к Витовту для подтверждения мира «по старине». В связи с кончиной тверского князя Михаила Александровича в 1399 г. его сына Ивана Михайловича вызвали в Орду для получения ярлыка, а вручали его ордынские послы, сопровождавшие князя до Твери. На Нижний Новгород был направлен татарский отряд с князем Семеном Суздальским: татары взяли город и грабили его две недели. К Волге было направлено московское войско под командованием князя Юрия Дмитриевича (младшего сына Дмитрия Донского), который проявил себя умелым воеводой. Войско «взяша град Болгары, Жукотин, Казань, Кременьчук, и всю землю их повоева и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша». Юрий «возвратися с великою победою и со многой корыстью в землю русскую». У Юрия не было оснований симпатизировать Литве, поэтому участвовал он и в поддержке против Витовта смоленского князя — своего тестя, а рязанского князя Олега, ставшего объектом ряда нападений «летучих» отрядов Орды, поддерживала теперь и Москва.

Митрополит Киприан, будучи в Москве, не отказывался от поддержки Витовта. В 1401 г. князь Василий Дмитриевич, Витовт и Иван Михайлович Тверской «сотвориша заедин мир и любовь межи собою». Киприан же созвал собор, на котором присутствовали епископы обеих «Русий». На новгородского архиепископа и луцкого епископа Киприан «брань возложил... за некия вещи свяꝑ тителския». Летопись не сообщает, о каких «вещах» шла речь. Обоим владыкам предписывалось сложить сан и не покидать Москву. В Новгороде, видимо, не угасала ересь стригольников, о ситуации в Луцке сведений практически нет. В 1405 г. в том же «Лучьске» Витовт «постави попа Гоголя во владыки и тот был епископ граду Володимерю. А с митрополитом служили на поставленьи епископ холмский да другий епископ лучьский».

Суть этих перемещений, возможно, раскрывает другое свидетельство того же 1405 г.: «Киприан митрополит Антонья, епископа туровьского, сведе со владычества его *по повелению Витовтову* (выделено мной. — А.К.)

и отья от него сан епископский и ризницу его и клобук его белый, а источники и скрижали его спороти повеле и поведе его от Турова на Москву и посади в кельи на монастыре, иже на Симонове». Так бесстрастно, о значительном по сути событии записал московский летописец (если только текст его не был отредактирован при завершении работы над Троицкой летописью). В Никоновской летописи указано, в чем именно обвинялся епископ: «Клеветницы возклеветаша на Антония... и бысть нелюбие Витофту на него; и клеветницы время себе удобно изобретоша и наипаче восꝑ таша, клеветуши, и сотвориша вражду и нелюбие велие». Клеветники обвиняли епископа, якобы он «посылал... к татарьскому царю Шадибеку (сменившему Тимурꝑ Кутлуга притом

же Едигее.

–А.К.)

во Орду, призывая его на Киев и на Волынь и на прочаа грады плениѣти и жещи; и другаа многаа клеветаниа соплетоша нань». Подобная клевета разъярила Витовта, и Киприан поспешил умиротворить литовского князя, сняв туровского епископа. Киприан же, отправив опального епископа в московский монастырь, «приказа его покоити всем и никакоже ни в чем не оскорбляти, точию из манастыря не изходити». Существенно в этом рассказе то, что московский князь не мог «повелеть» Киприану, а Витовт именно повелевал. Не устраивал же туровский епископ Витовта, видимо, потому, что Антоний не разделял прокатолических симпатий князя.

Упоминаемый в деле Антония *«белый клубук»* – символ высшей духовной власти, согласно русской редакции легенды, перешедший в XIV столетии из Константинополя в Новгород Великий. Собор 1667 г. осудит эту легенду. Но до этого времени новгородские архиепископы носили в отличие от всех остальных именно «белый клубук». Легенда, несомненно, антиримская, хотя в ней можно увидеть и притязания на особую власть. Витовта, очевидно, не устраивало ни то, ни другое. Абсурдное же обвинение свидетельствует о степени неприязни и раздражения князя по отношению к владыке, сохранявшему помимо верности православию и чувство собственного достоинства.

Битва на Ворскле облегчила положение Северо-Восточной Руси. Но в 1402 г. сын Олега Рязанского Родослав потерпел поражение под Любутском и был взят в плен литовцами. Освобождение стоило 3000 рублей. В том же году скончался Олег Рязанский, и Смоленск в 1404 г. перешел под власть Витовта. Смоленский князь Юрий Святославич отправился в Москву просить помощи против Витовта, но московский князь в помощи отказал. И пока Юрий Святославович добивался помощи в Москве, часть смоленских бояр обратилась к Витовту: изменники обещали открыть ворота Смоленска. Витовт, подчеркнуто опираясь на помощь польских отрядов, взял город, захватил княгиню и некоторых бояр: одних он отправил в Литву, а других – приверженцев Юрия Святославича – казнил. Юрий с сыном Федором и вяземским князем Семеном Мстиславичем (Вязьма тоже была захвачена Витовтом) направился в Новгород. Здесь ему было выделено 13 городов. Но через два года он ушел в Москву и получил Торжок в качестве наместника Москвы. После конфликта с вяземским князем Юрий бежал в Орду и закончил в 1407 г. свои дни в монастыре в Рязанской земле.

В 1405 г. Василий Дмитриевич пытался вернуть Вязьму и выступил против тестя. Однако взять город не удалось, и вскоре вновь был подтвержден мир зятя с тестем. Очередное «розмирье» произошло осенью 1408 г.: войска тестя и зятя простояли по разным берегам реки Угры две недели и разошлись, подтвердив старый мир (в некоторых летописях – «вечный мир»). Причиной, видимо, был отъезд летом 1408 г. к московскому

князю Свидригайло Ольгердовича, враждовавшего с Витовтом. Об этих столкновениях наиболее обстоятельно сказано в особой «*Повести о нашествии Едигея*», написанной уже после кончины и Василия Дмитриевича, и Витовта, в иной исторической обстановке (эти данные приводятся ниже в связи с нашествием на Северо-Восточную Русь Едигея).

В 1406 г. скончался митрополит Киприан. Незадолго до кончины он посетил Литву, где был тепло встречен Витовтом и Ягайло, ведшими какие-то переговоры. Из сведений летописей не видно, чего добивался король-католик. Можно предполагать, что речь шла о расширении сферы действия унии. Как реагировал на это Киприан – остается неясным: кончина не позволила проявиться каким-либо новым идеям. Борьба же католичества и православия будет продолжаться.

Киприан завещал зачитать над его гробом специально к похоронам написанную грамоту, что и было исполнено. В грамоте он говорит о верности «богопреданной апостольской вере и православия истинному благочестию», прощает и просит прощения. Кончина Киприана в плане источниковедческом определенная грань: он приложил руку к самым разным сочинениям. Он переписал прежние сочинения (известна его редакция Жития митрополита Петра, в которой под его пером появится идея митрополии «всея Руси»), и именно его рука (или его благословение) просматривается во многих летописных текстах, особенно связанных с личностью Дмитрия Донского. *Поэтому во всех описаниях событий конца XIVв. необходимо выделять, по крайней мере,*

три слоя:

записи докиприановские или независимые от него; записи Киприана и его прислужников; записи середины XVв., в известной мере воспроизводящие первоначальные.

Естественно, что в центре позднейших изысканий была именно Куликовская битва. Память о ней будет звучать набатом на протяжении всего XV столетия. Но такого рода события в истории часто искажаются либо в оценке их реального значения, либо из-за конкуренции: кто, чей род, какой митрополит или игумен сыграл главную роль в исторической победе.

Непоследовательная политика Василия Дмитриевича привела к естественному результату – к Москве пришли полчища *Едигея* (1352 – 1419), эмира и фактического правителя Золотой Орды в 1397–1410 гг. Летописи сообщают, что в конце 1408 г. «князь ордынский именем Едегей, повелением Булата царя (свергнувшего в 1407 г. Шадибека. – А.К.), приде ратью на Рускую землю, а с ним 4 царевичи да прочий князи Татарстан... Се же слышав, князь великий Василей Дмитриевич не стал на бои против татар, но отъехал вборзе на Кострому». Едигей подошел 1 декабря к Москве и распустил войско «по всему великому княжению и разсыпашася по всей земли, аки злии вльци, по всем градом и по странам и

по селом и не остася такового места, иде же не бывали татарове». Был взят и сожжен Переяславль, затем Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец. 30 тысячное войско было послано в погоню за Василием, но оно вернулось, не обнаружив пристанища московского князя. От самого худшего Московское княжество спасла смута в Орде. «Некий царевич» решил воспользоваться ситуацией и захватить великоханский стол. И хотя это ему не удалось (проводник провел его не к ханскому двору, а на торг), Булат был крайне напуган и потребовал возвращения Едигея. Тот, взяв с москвичей «окуп 3000 рублей», простояв всего три недели под Москвой (в Коломенском), поспешил в Орду.

Троицкая летопись заканчивается пропитанными болью строками: «Отшедшим же татаром съ множеством полона и всякого товара и всякого узорочиа наимавшесе, полона же толико множество ведяху яко многы тысяща числом превосходяше. Жалостно же бе видяху и достойно слез многих, яко един татарин до четы редесятьхристиан ведяше съ нужею повязавши. Много множество иссечено бысть, инии же от мраза изомроша, друзии жажею и гладом умираху, отци и матери плакаху чад своих разбиваемых и умерщвляемых, такоже и чяда рыдаху разлучения от родители своих, и не бысть помилующаго, ниже избавляющаго ни помогающаго. И бысть тогда въ всей Руской земли всем христианам туга велика и плачь неутешим и рыдание и кричание: вся бо земля пленена бысть, начен от земля Рязанския и до Галича (имеется в виду Галич Мерьский, в указателе ошибочно обозначенный как Днестровский. – А.К.) и до Белоозера. Все бо подвизашяся и вси смути шяся многи бо напасти и убытки всем человеком съдеяшяся и бол шим и меншим и ближним и далним и не бысть такова иже бы без убытка был, но все в тузе и скорби мнозе и печалию обдержими. Сию же скорбь за много время неции же от книжник провозвести ша, глаголюще, яко в преидущее лето будеть скорбь людем, еже и сбьсться во время се».

Автор не называет имен «провозвестников», но смутное ожидание бед ощущалось в разных местах Северо-Восточной Руси. И тревога, видимо, имела основания не только провиденциалистского характера: *после общественно-политического подъема 50–70 х гг. XIV столетия наступил откат ко временам вековой давности, и реального выхода из этой ситуации летописец пока не видел.*

Он не уточнял, за какого рода прегрешения страдали и большие, и меньшие, и ближние, и дальние. Н.М. Карамзин, для которого Троицкая летопись являлась основополагающим источником, с явным сожалением записал в примечании: «Видно, что сочинитель умер. С того времени до самой кончины Василия Дмитриевича все известия кратки и неполны в других летописях». Историк придерживался господствовавшего в его время мнения, что летопись ведется на протяжении многих лет одним автором. Но это был, конечно, летописный свод, составленный не ранее 1409 г. (летописец описывает события, уже зная, почему татары поспешили в Орду). А летописцы-сводчики могли и не возвращаться более к однажды написанному труду. Но сам факт снижения идеологической активности в последние годы княжения Василия Дмитриевича отмечен

верно.

Нашествие Едигея и взаимоотношения московского и литовского князей с Едигеем более развернуто представлены в особой «Повести о нашестве Едигея», вошедшей в состав Рогожского летописца и Никоновской летописи (и близкого к ней «Истории Российской» В.Н. Татищева) и составленной, видимо, в 40-е гг. XV в. (ими датируется оригинал Рогожского летописца). В повести воспроизводится текст Троицкой летописи. Но здесь дан рассказ за несколько лет, обобщенно характеризующий закулисную сторону происходивших событий.

Едигей вел двойную игру, сталкивая Василия с Витовтом, и летописец (или автор повести) не без сожаления замечает, что Василий оказался в плену «злостроителей» ордынского эмира: «Злочестивии же Агаряне, яко волцы ухитряюще, подкрадают нас, да неколи князи, надеющиеся, с ними истинно мирующе, и любовно пребывающе, безстрашни от них будут, да обретше они время удобно себе, вместо злаго желанна получают. Якоже сей князь Едигей Ординьский вяще всех князей Ординьских и все царство Ординьское един держаше, и по своей воле царя поставляше, егоже хотяше, многу же любовь лукавную имаше и к великому князю Василию Дмитриевичу, и честию высокою обложи его и дары многими почил таше; и еще же надо всеми сими и сына его себе именоваше любимаго, и некая многаа обещавше ему и власть его разширити и възвысити паче всех князей Русских, и приходяща от него во Орду послы чтяше зело и брежаше и отпускаше на Русь с честию и с миром, и мир глубок обещающеся имети с ним».

Московскому князю «прилучися гнев имети и брань со тестем своим». Василий наивно об этом «Едигею поведи подлинно, хотя от него помощь обрести. Понеже любляше его Едигей и в сына его имеша себе. Лукавый же и злостроитель Едигей обещае всячески поможати сыну своему великому князю Василью, глаголя: "да и прочий увидят князи Руссии любовь нашу с тобою, и мирни и кротости тебе будут и устрашатся тебя". С другой стороны, Едигей «и к великому князю Литовскому Витовту Кестутьевичу, посылаа, глаголаше: "Ты мне буди друг, а яз буду тебе друг; а зятя своего... познавай. Яко желателен бе в чужия пределы вступатися и не своя восхищати, и се убо и тебе подвизается ратовати и твоя пределы восхищати; блюди убо от него, понеже и словеса мне многа глаголаше на тебя..., и сребра и злата много посылает ко мне и ко царю, чтобы или аз сам, или царя увещал со всею Ордою пойти ратью на тебя и пленити и жещи землю твою, и чтобы ему засести грады твоя;... моя же любовь к тебе не угаснет иникогда; сия же вси моя словеса в себе точию имей и никомуже повеждь"».

Автор повести осуждает «молодых» советников князя, возвышая «старых». Князь созвал «свои князи, бояре и думци», где сообщил об обещанной Едигеем помощи. «Князи же и бояре и думци его все возрадовашася, и вся Москва веселишася...: "Орда вся в воли великого князя... да кого хошет, воюет, и наши будут вси, и прославимся паче всех"». В итоге же «кровь многа проливашеся, а татароꙋ ве полоном и имением обогатеша» (Рогожский летописец подчеркивает, что это была «именем токмо словуще помощь»), «старци же старые, – продолжает Никоновская летопись, – сего не похвалиꙋ ша». Они осудили практику приглашения «на помощь себе татар, наимающе их серебром и златом». Напоминается, что приглашения половцев в свое время причинили огромный вред Киеву и Чернигову, поскольку наемники не только плохо воюют, но и выполняют роль разведчиковꙋ соглядатаев.

Осуждается в повести и союз московского князя со Свидриꙋ гайло Ольгердовичем. С одной стороны, вроде бы «устроен к брани мужь храбор и крепок на ополчение», но с другой – «лях бе верою». Осуждается, что «ляху» князь со своими думцами передали «гради мнози, мало не половину княжения Московьскаго, и славни град Владимир, в немъ же соборная церковь Пречистыя Богородици Успение, златоверхаа нарицаемаа, 5 бо верхов златых имеа, в ней же чудотворная икона пречистыя Богородицы, иже многа чудеса и знамена сотворяеть и поганыа устрашает... И сиа вся ляху пришелцу дано быша, темъ же и беды многи постиꙋ гоша нас, и сам той храбрый князь... и храброе его воинство смяꙋ тошася и устрашишася, яко младыа отрочата, во время Едигеева нашествия и на бегуклонишася». Татары же во время «стояния на Угре» войск тестя и зятя «недалече кочеваша», присматриваясь к «наряду» той и другой стороны.

Едигей уведомил московского князя, будто Булатꙋ Салтан собирает войско «со всею великою Ордою на Витовта, да мстит, колико есть сотворил земли твоей». Василию предлагается присоединиться к этому войску, идти с ним либо самому, либо комуꙋ то из сыновей или братьев. Какиеꙋ то сомнения у князя возникли: в Орду был направлен вельможа «Юрий именем з дружиной». Но Едигей «ят Юрья» и направился с ратью к Москве. Случайный вестник сообщил об этом, когда татары уже подходили к русским землям.

В Никоновской летописи воспроизводится посланиеꙋ оправдание Едигея Василию Дмитриевичу. Задним числом эмир упрекает князя в том, что он не ездил в Орду и мало чтит ордынских послов, не чествовал Темирꙋ Кутлуга, не навестил царствовавшего восемь лет Шадибека (тестя Едигея): «И ныне царь Булатꙋ Салтан сел на царстве и уже третьей год царствует, такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшего боярина не присылыꙋ вал». «Вся твоя дела недобры и неправы», ꙋ писал якобы Едигей, противопоставляя московскому князю некоего расположенного к Орде Федора, сын которого Иван являлся казначеем князя. Здесь также следует совет слушать

«старейших», «старцев земских», а не «молодших». Упрекает он князя и в том, что, собирая «со всякого улуса з дву сох рубль», князь укрявает собранное «серебро».

Заключает автор повести традиционным указанием на причину бед – прегрешения. Но перечень их ориентирован в основном на *социальные* недуги: «Много бо суть в нас неправды, зависти, ненависти, гордости, разбои, татбы, грабления, насилования, блуды, пианьства, объядения, лихоимания, ложь, клевета, осужение, смех, плесание, позорища бесовьскаа, и всяко возвышение, възвышящееся на разум Божий, и всяко непокорение закону Божию, и заповедей Господних презрение». Автор как бы извиняется, обращаясь к читателю: «Сия вся написанная аще и нелепо кому видится... но... к пол зе обретающаася...; мы бо не досажюще, ни поношающе, ни завидяще чти честных, таковаа вчинихом, якоже обретаем началнаго летословца Киевскаго, иже вся временнобытства земскаа, не обинуюся, позуеть; но и пръвии наши властодръжцы без гнева повелевающе вся добраа и недобраа прилучившаася написовати, да и прочим по них образы явлени будут, якоже при Володимере Мономаше оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не устрашая пишущего... Всяко бо благая и спасенаа настоящего и будущаго в. не во гневе и гордости и шаплении (щегольстве) обретаются, но в простоте и умилении и смирении».

Литература

Куликовская битва и подъем национального самосознания // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979.

Куликовская битва / Ред. Бескровный Л.Г. М., 1980.

Памятники Куликовского цикла / Ред. Рыбаков Б.А., Кучкин В.А. СПб., 1998.

Повести о Куликовской битве / Подг. Тихомиров М.Н., Ржига В.Ф., Дмитриев Л.А.. М. 1959.

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла / Ред. Лихачев Д.С, Дмитриев Л.А. М., 1966.

Адрианова-Перетц В.П. Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича царя Руськаго // ТОДРЛ. Т. V. Л., 1947.

Адрианова-Перетц В.П. Задонщина: Опыт реконструкции авт. текста // ТОДРЛ. Т. VI. Л., 1948.

Азбелев С.Н. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и лексикографическое издание. М., 1976.

Ашурков В.Н. На поле Куликовом. Тула, 1967.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975.

Гумилев Л.Н. Эпоха Куликовской битвы // Огонек. 1980. №36.

Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

Зимин А.А. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969.

Кузьмин А.Г. Священные камни памяти: О романе Владимира Чивилихина «Память» // Молодая гвардия. 1982. №1.

Кузьмин А.Г. Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.

Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности, или теория приватизации истории // Молодая гвардия. 1991. №9.

Кучкин В.А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988.

Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. *Лоциц Ю.* Дмитрий Донской. М., 1980.

Назаров В.Д. Русь накануне Куликовской битвы: К 600-летию битвы на Воже // Вопросы истории. 1978. №8.

Салмина М.А. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» //ТОДРЛ. Т. XXV. Л., 1970.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Соловьев А.В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // ТОДРЛ. Т. XVII. Л., 1961.

Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Вопросы истории. 1955. №8.

Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966.

Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964;

Черепнин Л.В. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского // Исторические записки. 1947. Т. 24.

Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище // Сб. ОРЯС АН. Т. 81. СПб., 1906.

ГЛАВА XIII. Борьба за Москву и митрополию в первой половине XVв.

§ 1. РУСЬ, ОРДА И ЛИТВА ПОСЛЕ НАШЕСТВИЯ ЕДИГЕЯ

Вторая половина княжения Василия Дмитриевича отражена источниками отрывочно и бессистемно, как бессистемным было и само его княжение. Разорение и разграбление Северо-Восточной Руси ратью Едигея в 1408 г. могло бы иметь и более серьезные последствия, но обстоятельства складывались относительно благоприятно, хотя и не совсем устойчиво. Прежде всего неустойчивым было положение самого Едигея в Орде. Подтверждая ярлык на великое княжение Василия Дмитриевича, Едигей, согласно софийско-новгородским летописям, упрекал его: «Тохтамышевы дети у тебя, и того ради пришли есмы ратию». В литературе высказывалась мысль о том, что и попытка переворота в Орде во время нашествия Едигея была организована из Москвы. Видимо, кто-то из сыновей Тохтамыша в годы своих скитаний попадал в Северо-Восточную Русь (в некоторых источниках к таковым относится Ке-рим-берды), но главным центром притяжения для них оставалась, конечно, Литва, где сохранялась большая, пришедшая с Тохтамышем татарская колония.

Именно угроза со стороны Литвы побуждала Едигея искать примирения с Москвой.

Победа над Тевтонским орденом в грандиозной
льдской битве

Грюнва

15 июля 1410 г.,

в которой на стороне победителей, помимо поляков, литовцев, русских и наемников из Валахии и Богемии, участвовали также татарские отряды, не могла не вызывать тревоги Едигея. В 1411 г. старший сын Тохтамыша, участник Грюнвальдской
бтгыДжелаль Еддин,

укрепился в Крыму, и в схватке с ним ордынский хан Булат-Салтан был убит. Едигею удалось остановить Джелаль-Еддина, возведя на ханский стол Тимур-хана, но скоро ему пришлось бежать от своего ставленника в Хорезм. При поддержке Витовта

Джелаль-Эддин в 1412 г. на некоторое время утверждается ханом в Орде. Он организовал набег татарских и нижегородских отрядов на город Владимир, где был разграблен Богородичный храм (Успенский собор) – место вступления в должность многих митрополитов Руси.

Летом 1412 г. в Орде начинается новая усобица, в ходе которой Джелаль-Эддин был убит и к власти пришел Керим-берды, сторонник Едигея. К новому повороту политики Орды имели отношение и события в Северо-Восточной Руси. По некоторым данным, Киприан перед кончиной пытался закрепить на митрополичьей кафедре своего племянника *Григория Цамблака*. Но Константинополь решил направить на Русь грека Фотия. Едва ли не главным аргументом для Константинополя были материальные расчеты: откуда придет большая «милостыня» – из Вильны или из Москвы. Угроза полной турецкой оккупации побуждала последних властителей некогда могучей Византии искать поддержку в православных землях Восточной Европы.

Фотий (ок. 1371 – 1431) прибыл на Русь в 1409 г. и первоначально остановился в Киеве, тем самым как бы выполняя требование Витовта считать именно Киев центром «митрополии всея Руси». Но уже через полгода он перебирается в Москву. Не последним аргументом в пользу Москвы послужили богатые дары московского князя и духовенства Северо-Восточной Руси, переданные Константинопольской патриархии. Известная напряженность в отношениях между новым митрополитом и княжеским двором сохранялась, но татаро-нижегородский набег на Владимир, мишенью которого и был новый митрополит, приехавший во Владимир на торжественное посвящение в сан (самому Фотию удалось укрыться в окрестностях Владимира), способствовал сближению великого князя и владыки.

Сменивший Джелаль-Эддина *Керим-берды* был, видимо, наиболее расположенным к Москве чингизидом. Именно он, согласно восточным авторам, некоторое время скрывался в Москве, и, видимо, этого сына Тохтамыша имел в виду Едигей, упрекая московского князя. Но в данном случае для Едигея была важна позиция в отношении Литвы, а Керим-берды был последовательным ее антагонистом. Воспользовавшись благорасположенностью Орды, московский князь изгнал из вновь отделившегося от Москвы Нижегородского княжества Даниила и Ивана Борисовичей и их потомство. В это же время при посредстве митрополита Фотия наследник византийского стола Иоанн VIII Палеолог женится на Анне, дочери Василия Дмитриевича.

Изменение в расстановке сил в связи с воцарением Керима-берды подтолкнуло Вильну и Краков к очередной унии. В **1413** г.

в Городло Ягайло с польской знатью и Витовт со знатью литовской подписали соглашение. Подтверждалась прежняя договоренность об объединении, в рамках которого княжество Литовское ставилось в зависимость от Польши. Согласно Городельской унии, католичеству предоставлялось решительное преимущество. Термин «бояре» заменялся «баронами» и «нобиями», а наследовать должности и владения могли только католики. Запрещались даже браки католиков с православными.

Городельская уния обострила отношения между православной и католической общинами Польско-Литовского государства. Витовт быстро терял почву под собой и вновь начал искать возможностей для восстановления своего влияния через Орду и русскую митрополию. В 1414 г. в Орде (или в ее части) утверждается ставленник Витовта Кепек. Нижегородским князьям снова даются ярлыки на независимое от Москвы княжение. На Волгу вновь отправляется Юрий Дмитриевич Галицкий, и он не допускает в город ставленников Орды. Активизирует Витовт политику и в отношении Новгорода и Пскова. Но активизация деятельности в собственно православных землях требовала так или иначе решения вопроса о «митрополии всея Руси». Поэтому и поднимается вопрос о переносе митрополичьей кафедры в Киев и утверждении там племянника Киприана Григория Цамблака.

В летописях рассказ об этих событиях изложен противоречиво, а наиболее обстоятельный рассказ в *Никоновской летописи* и «*Истории Российской*» В.Н. Татищева восходит, видимо, к разным источникам, сведенным в летописном своде некоторое время спустя после самих событий. Не ясно, сколько было соборов епископов Западной Руси, созванных Витовтом для решения вопроса о разделении митрополии. Как уже отмечалось, в летописях смешивались три разных стиля летосчисления (не говоря уже о записях в Западной Руси, сделанных по иной космической эре). В Никоновской летописи текст излагается по сентябрьскому стилю, но рассказ о попытках утвердить на митрополии Григория Цамблака включался в статьи уже имевшегося текста. Основные варианты рассказа датируются 1414 и 1416 гг. По тексту же Никоновской летописи – это осень 1413, лето 1414 (как бы продолжение рассказа о соборе) и осень 1415 гг., причем в первом случае кандидат именуется «Самлаком», а во втором правильно – «Цамблаком». В западнорусских же летописях 1414 г. датируется поездка Цамблака в Москву, причем ни цель, ни результаты поездки не объясняются.

Некоторые вопросы снимаются сравнительно легко. В Никоновской летописи отмеченное всеми летописями солнечное затмение 7 июня упомянуто и под 1414, и под 1415 г.г. Затмениям посвящена книга Даниила Святского («Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. СПб., 1915), к которой

специалисты обычно обращаются, разбираясь в хронологической путанице. В ряде летописей указано также, что

7 июня приходилось на пятницу, и все это указывает на 1415 г. Разноречия в тексте Никоновской летописи, следовательно, являются результатом соединения по разному датированных записей об одних и тех же событиях. 1413 г. может быть исключен и потому, что Витовт не стал бы затевать далеко идущих антимосковских интриг при промосковском хане в Орде, а пролитовский переворот в Орде произошел, видимо, в начале 1414 г.

Личность *Григория Цамблака* весьма колоритна. Он подвизался в разных монастырях на Балканах, был чиновником при Константинопольском патриаршестве, известен как автор многих сочинений, одно из которых (около 1410 г.) посвящено жизнеописанию Киприана, с которым он, вероятно, и оказался в Литве. В 1414г.

Григорию было около 50 лет, после 1418г. Григорий отошел от дел и ушел в один из молдавских монастырей, как предполагают, под именем Гавриила, а его кончину в разных источниках относят к 20 м – 30 м гг., даже к 1450 г. В Москве о Цамблаке существовала какая-то повесть, и может быть не одна. Особый интерес к его личности возник в 40-е гг. в связи с реакцией на Флорентийский собор и утверждением автокефалии Русской Церкви. Оценка его личности была в целом негативной, но неоднозначной, а аргументы в пользу автокефалии в известной мере повторяли аргументы за автокефалию на соборе, созванном Витовтом.

В большинстве летописей соборным утверждением Григория Цамблака названа дата – 15 ноября, а собор проходил в Новгороде недалеко от Вильны (в «Черной Руси»). Дата 1415 г. представляется достаточно определенной. Поэтому нет оснований говорить о двух и даже трех соборах, хотя какие-то предварительные консультации могли и должны были проводиться.

Рассказ Никоновской летописи под 1414 г. начинается с того, что «неблазии человери» из окружения митрополита «творили клеветы», ссора митрополита *Фотия с Василием Дмитриевичем*

и
Витовтом Кейстутьевичем

и в итоге «сотвориша нелюбие». Суть претензий – увеличение митрополитом vsюду даней и поборов, особенно в поездках за Днепр, на киевскую сторону. Витовту «неблагие люди» напоминали и о том, что митрополия некогда имела центром Киев и митрополиты носили титул «киевского и всея Руси». Таким образом, перенос

митрополичьей кафедры из Киева в Москву представляется как бы незаконным. Напоминание о причинах переноса – незащищенность перед угрозами татарских набегов – не принимается во внимание. В какой мере и в каком направлении в этой связи мог быть задействован Василий Дмитриевич – не сказано. Видимо, его просто настраивали против Фотия ради ослабления позиций митрополита. Витовту же давались в руки реальные аргументы. Вполне вероятно, что именно в Вильне зародилась сама идея подыскать в окружении Фотия людей, которые могли бы напомнить о прежней роли Киева (тем более что и сам Фотий начинал как митрополит «киевский»).

Витовт собирает епископов девяти епархий, входивших в состав Великого княжества Литовского, повторяет аргументы, выдвинутые «неблагими людьми», и требует, чтобы епископы обратились к нему, князю, с жалобой, давая и примерное содержание этой жалобы: Фотий «грабит и изтощевает великую соборную митропольскую Киевскую церковь, главу всей Руси». Епископы пытались возражать. «Витовт же со властью запрети им», и владыки выдали нужный документ. Витовт распорядился собрать материалы о каких-либо покушениях Фотия на материальные ценности в Киеве и прилегающих районах, с тем чтобы поставить вопрос о создании отдельной митрополии для Великого княжества Литовского. Фотий решается идти в Киев, чтобы попытаться договориться с Витовтом, а если не удастся – идти в Константинополь. Витовт перехватил митрополита, ограбил его и выпроводил назад в Москву. Выпроводил Витовт заодно и наместников Фотия на Киевщине, передав принадлежавшие им села «панам своим».

Далее рассказ в летописи перебивается сообщением о пожаре в Москве и затмении 7 июня (которое было на самом деле годом спустя), после чего к Фотию явился «гость с торгом», погоревший в московском пожаре в мае и напуганный затмением. Пришедший из Литвы гость и сообщил митрополиту о замысле Витовта, покаявшись и о своей причастности к «клеветникам». Названо и имя информатора: Фома Лазарев, что может указывать и на какую-то современную запись о рассказе повинившегося и прощенного митрополитом «клеветника». А затем снова говорится о соборе епископов (но более глухо, без имен), на котором было решено избрать «Григория Самлака», причем некоторые епископы с этим не согласились, предложив «смириться с Фотеем». Но «Витовт же со властью запрети им, они же умолчаша». В Царьград к патриарху был направлен кандидат, а к императору также и грамоты. Патриарх и «царь» «не восхотеша сего». Витовт заставил епископов изложить «вины» митрополита. Но и на это последовал отказ.

Под 1415г. дается иной вариант рассказа о том же соборе, что и названном в летописи годом раньше. Здесь повествование начинается сразу с главного: «Господь Бог попусти, грех ради наших, Киевской митрополю на две области разделитися, яже не (подобает;

глаголеть бо во священных правилех, яко не подобает быти во единой области двема митрополитом». Между князем и епископами разгорается своеобразный «научный» диспут. Витовт «рече» к епископам: «Поставите ми в митрополиты на Киев Григория Цамблака Болгарина». (Литературное происхождение рассказа видно уже в пояснении «болгарина», предназначенного широкой аудитории, а никак не епископам, хорошо знавшим племянника Киприана.) Епископы возразили, ссылаясь на священные правила, а на запрос князя, о каких правилах идет речь, процитировали 20-ю главу священных правил и 12-ю главу решений Халкидонского собора, «яко не подобает быти в единой области двема митрополитом». Далее следует дискуссия: Витовт настаивает на том, что это его область, а епископы – «но прежде не твоя область бысть», а на возражение князя, что теперь иная ситуация, епископы разъясняли: «Аще и ты ныне приал ново Киевскую область, и се твоя есть земская власть, а не церковная святительская; ино бо есть власть святительская церковная, и ино есть власть царская земская; да ты своя земские вещи управляешь, яко царь, епископ же своя святительские вещи управляет, яко святитель; и во всей области Русстей един митрополит есть: аще и на Москве ныне пребывает нахождения ради татарского, но Киевский есть, и един есть во всей области;... и тебе несть от сего ни единыя укоризны, ни протора (издержек. –А.К.), но паче похвала и приобретения, яко древний обычай и законы соблюдающе».

Епископы повторяли аргументы Киприана о митрополии «всей Руси». Исчерпав же свои аргументы, Витовт «глагола им»: «Аще не поставите ми митрополита в моей земли на Киеве, то зле умрети». Григорий Цамблак был объявлен митрополитом, и уже при его участии должно было сочиняться «оправдательное слово», в котором, в частности, напоминалось и о прецедентах подобного рода на Руси и в других славянских землях. И в этих напоминаниях весьма заметны настроения 30 – 40-х гг. XV в., которые были уже в самом Московском княжестве.

Послание в Константинополь выдержано в весьма резких тонах и, видимо, связано с неудачной попыткой Григория Цамблака заручиться там поддержкой, предшествовавшей собору епископов. В основе летописного изложения, по всей вероятности, лежал *подлинный* текст послания, о чем, в частности, свидетельствует и заключающее его слово «индикт» – традиционный византийский счет лет, употребленный в данном случае бессознательно (не указано, какой именно год индикта – 15-летний круг времени – имеется в виду). В тексте послания неоднократно упоминается о корысти властителей Константинополя при утверждении кандидатов на те или иные кафедры. На просьбу Витовта – «царь же и патриарх не воздохотеша послушати прошения сего праваго, неправедных прибытков деля». После похвалы Витовту, который собрал «в Новомграде Литовском» князей подвластных ему земель, бояр и вельмож, архимандритов, игуменов, иноков и попов, «советом и волей» которых избрали митрополита, вновь указывается на причину отрицательного решения Константинополя: «Гораздо есмы розознали на них, что хотят они того, чтобы по своей воли поставили митрополита своего по накупы, кто ся у них накупить посулы, как они

хотят, а то бы все было в их воли в таковой, что, zde будучи, митрополит их на Руси, грабя, насилуя, попы продавая, посулы емля, дани тяжкия збирая, церкви пусты чиня, и к ним бы носил в Царырад и все провалил (доставил, препроводил. –А. К.)».

Этот мотив возникает и далее, когда доказывается непорочность решения собора, его непримиримость к еретикам: «К сим же и Симонитьскую ересь анафеме предаем, продающую на злате и на серебре дар Святаго Духа, поставляющих в священничество мздою и посулы». Выражая почтение ко всем патриархам и патриаршества, послание вновь делает оговорку: «Но точию отвращаемся, не могуши тръпети, еже есть на церковь Божию насилование царя Царегородскаго, ибо святой великий патриарх и божественный священный собор Константинограда по правилу поставити митрополита не могут дати, но кого царь повелит по посулам. Увы! Отсюда продается и купуется дар Святаго Духа, еже в поставлении, якоже отець его царь сотвори на церковь Киевскую во днех наших, еже о митрополитех русских: о Киприане, и о Пимине, и о Дионисии, и о инех многих, не смотряще на церковную честь и строение, но смотряще на посулы, на серебро и злато и на многоимание; отсюда быша долги велики, и протори мнози, и мльвы, и смущенна, и мятежи, и убийства, и еже всех лютейши – безчестие церкви Русския митрополии».

Неудивительно, что большинство летописей это послание даже не упомянуло, а Никоновская летопись дала его явно уже после кончины митрополита Фотия. Возражения самого Фотия, по летописи, носили как бы общий характер: «Оскорбися зело и много подвизася, еже бы како раздрания та и разколы те церковныасовокупити воедино... И писаше грамоты, возбраняя раздрания церковнаа...». И этот текст тоже явно написан уже спустя какое-то время после кончины митрополита, видимо, как и многие другие тексты начала столетия, в 40-е гг. XVв., когда стоял вопрос об автокефалии уже самой Русской Церкви и упреки в адрес Константинополя были одним из аргументов в пользу такого решения. Нет здесь и упоминания (именно в связи с «грамотами» Фотия) о соборном осуждении и лишении священнического сана Григория в Константинополе (видимо, не без участия Фотия), хотя в некоторых летописях таковое имеется. Но в Вильно, очевидно, проигнорировали осуждение, осуществленное патриархом Евфимием, и созванный им собор, равно как подтверждение проклятия и отлучения от церкви Иосифом II (преемником Евфимия) в 1417 г.

Удивительно, что в летописях не прозвучали упреки в адрес Витовта по поводу его *уклона в католицизм*, выразившегося в статьях Городельской унии, хотя такие упреки, наверное, были в «грамотах» Фотия, и они стояли на первом месте в соборных постановлениях Константинополя. Конечно, Витовт в вопросах веры был чистейшим прагматиком. Но

большинство епископов, собранных им в Новгородке, явно осуждали *католическую направленность* этого «прагматизма». И выразил это беспокойство именно избранный митрополитом Григорий Цамблак. Под 1417 г. в летописях воспроизводится вопрос Цамблака Витовту: «Что ради ты, княже, в Лятцком законе, а не в Греческом?» Витовт на это якобы ответил: «Аще хочещи не токмо мене единого видети в Греческом законе, но и всех людей моего земли Литовския, да идеши в Рим и пришиши ся (спориши. – А.К.) с папою и с его мудрецы; и аще их преприши, и мы вся в Греческом законе и обычаи будем; аще ли не преприши их, имам вся люди моего земли Греческаго закона в свой Немецкий закон превратити».

В 1414 г. в Констанце был созван собор, который начался с осуждения «ересей», прежде всего Яна Гуса и чешских реформаторов. Собор продолжался несколько лет, и одним из главных вопросов было преодоление «схизмы» – раскола церквей. В 1417 г. собор избрал нового папу Мартина V, с которым Ягайло договорился об участии в прениях о преодолении «схизмы» новоизбранного митрополита. Перед папой Мартином в 1418 г. и была зачитана заготовленная в Вильне речь Григория Цамблака, возглавлявшего литовскую делегацию. Были в составе делегации также «наблюдатели» от Орды, где в это время снова утвердился Едигей, вновь пытавшийся балансировать на противоречиях Ягайло и Витовта, Витовта и московского князя и московского митрополита. Речь Григория имела значительный резонанс среди огромного количества делегаций и гостей. Но на унию Цамблак не согласился, и, видимо, такая позиция была запланирована при подготовке речи в Вильне.

Естественно, что подобной позицией был недоволен и разочарован Ягайло, вроде бы что-то обещавший Риму. Никоновская летопись сообщает о кончине Цамблака в 1419 г., давая, кстати, высокую оценку ему как автору «книжных писаний». Но версия о его смерти оспаривалась и современниками, и историками. И не исключено, что, оказавшись между двух огней – Константинополя и Рима и не надеясь на часто менявшего симпатии и антипатии Витовта, – Григорий тайно покинул Литву и, как предполагают, укрылся в одном из валашско-молдавских монастырей.

Уход с церковно-политической арены Цамблака побудил Витовта искать контакты с московским митрополитом Фотием. В Орде после нескольких лет преобладания Едигея происходит очередная усобица, в ходе которой Едигей был в 1419 г. убит, и на великоханском столе утвердился пролитовски настроенный *Улуг-Мухаммед* (ум. 1445 г.). В этих условиях и Фотий стал искать контактов с Витовтом, а поскольку перевес сил вновь был на стороне Витовта, то и московский митрополит легко склонился на его сторону. Под 1422 г. в летописях появляется примечательное сообщение: «Тое же зимы

княгини великаа Софья с сыном Васильем ездил к отцу своему Витовту в Смоленск, а князь великы отпустив ее с Москвы, сам иде на Коломну, да и Фотей митрополит был у Витовта, а ехал наперед великие княгини».

Некоторые данные об изменениях в настроениях и Фотия, и московского князя по отношению к Литве и Витовту проявляются в загадочных недоговоренностях летописей. В свое время А.А. Шахматов предположил, что в основании летописания XV в. лежит «*Полихрон Фотия*» 1418 г.

Авторитет Шахматова и до сих пор удерживает эту гипотезу в построениях историков и филологов, хотя и обоснованные сомнения в ее правомерности тоже высказывались неоднократно. А одной из значимых «жертв гипотезы» явился сын Василия Дмитриевича –
Иван.

Он упомянут в первой духовной великого князя в 1406 г. в качестве наследника, когда Ивану было 10 лет (он родился, согласно летописи, в 1396 г.). А затем летописи его не упоминают, и большинство историков, вслед за Карамзиным, полагают, что мальчик скончался в детстве. Между тем одно уникальное известие имеется в Тверском сборнике под 1416 г. Здесь сообщается, что «на Москве, месяца генваря 31 день, князь великий Василей Дмитриевич жени сына своего князя Ивана у князя Ивана у Пронского». (Иван Владимирович Пронский упоминается летописью также под 1408 г. в связи с усобицами в Рязанской земле, причем симпатии летописца на стороне пронского князя). Традиционная политика московских князей – поддерживать удельных князей «великих княжений». Но почему об этом весьма значительном с точки зрения Московского великокняжеского стола событии ничего не сообщили летописи, восходящие к пресловутому «Полихрону Фотия»? Свидетельством современности записей является, как говорилось выше, указание точных дат, а на место записей обычно указывает фиксация современных событий, относящихся в Москве прежде всего к фактам внутрисемейной (рождения и кончины, браки детей) и внутри- и внешнеполитической жизни. Первого около 1418 г. вообще нет, а о другом могли писать и со стороны, и по воспоминаниям.

Фотий под духовными Василия Дмитриевича подписывался по-гречески, и нет данных о том, успел ли он и захотел ли выучить русский язык. Летописания разных княжеских центров он, конечно, не знал и никакой «Полихрон» составить не мог. Если же верны наблюдения о причастности Епифания Премудрого к канцелярии Фотия, то и в канцелярии никаких летописей не было. Именно поэтому Епифаний столь значительно расходился в своих воспоминаниях с летописными данными.

Особое внимание в летописях к родившемуся в 1415 г. Василию, сыну Василия Дмитриевича, связано с будущей ролью этого князя и отражает летописание 30 – 40-х

Автор: pavel
20.03.2020 13:42 -

гг. XV в., т. е. годы феодальной войны. А кончина Ивана Васильевича (в летописях, восходящих к гипотетическому «Полихрону») почему-то не отмечена. В них говорится о кончине другого Ивана Васильевича – князя суздальско-нижегородского, сына Дмитрия Константиновича. В некоторых списках в первоначальном тексте упоминался именно внук Дмитрия Донского, но текст правили, устраняя упоминание о нем. Однако летописи *Никаноровская* и *Вологодско-Пермская*, восходящие к Московскому своду 70-х гг. XV в., 1417г. начинают сообщением о кончине сына

московского князя. Сообщением о кончине

«вят-шего»

(т.е. старшего) сына московского князя открывается

1417 г. и в *Псковской Третьей летописи*.

Имеется известие и в

Новгородской Первой летописи,

также независимой от московского летописания. В ряде летописей специально отмечается, что речь идет о нижегородском князе. Но, видимо, в позднейших летописях и списках летописей смешивают двух одноименных князей. И для различения их важны две детали:

одна – князь умер по пути из Коломны в Москву.

Коломна же, по духовной московского князя 1406 г., передавалась во владение сына Ивана, где, следовательно, и находился его удельный стол.

Другая деталь – князь был похоронен в храме Архангела Михаила, в котором хоронили только московских князей.

Самая большая загадка – почему столь значительное событие отмечено только в летописях, сохранявшихся на периферии? Казалось бы, промосковские летописи должны были дать хотя бы некролог. Но ничего подобного в летописях нет. Кончина же Ивана объясняет, почему Василию Дмитриевичу в июле 1417 г. потребовалось писать вторую духовную, в которой он двухлетнего сына Василия оставляет на попечении супруги Софьи Витовтовны. **В позиции московского князя и митрополита Фотия в этот период намечается изменение отношения к Литве.**

Может быть, на старшего сына делали ставку московские бояре – противники литовского князя ?

На этот вопрос, видимо, не ответить, но факт замалчивания кончины наследника сам по себе говорит о многом.

Василий Дмитриевич, видимо, не отличался хорошим здоровьем. И в 1423 г. он пишет третью духовную грамоту «по благословению отца нашего Фотия» (подпись его имеется на грамоте), в которой московский князь «приказал» «сына своего князя Василия и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту». Таким образом, **московский князь собственноручно передавал Москву и Северо-Восточную Русь в распоряжение литовского князя.**

Упоминание в духовной собственных «братьев младших» в этом контексте

предполагает не просто заботу о малолетнем наследнике, а прямую конфронтацию с завещанием Дмитрия Донского.

Феодальная война становилась неизбежной.

§2. ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.

Кончина Василия Дмитриевича в 1425 г. обнажила расклад сил: в Москве великим князем был провозглашен десятилетний *Василий II Васильевич* (1415–1462), а князь галицкий и звенигородский

Юрий Дмитриевич,

сын Дмитрия Донского, отказался приехать по призыву Фотия в Москву и ушел из подмосковного Звенигорода в другой принадлежавший ему город – Галич Мерьский, защищенный от возможных военных акций Москвы труднопроходимым расстоянием.

Причиной конфликта обычно считается вопрос о престолонаследии.

По завещанию Дмитрия Донского Московское великое княжество, как «отчину»,

наследовал старший сын Василий Дмитриевич. Но в случае смерти Василия Дмитриевича его «удел» должен был перейти к следующему по старшинству сыну, т.е. Юрию Дмитриевичу Звенигородскому и Галицкому. Ко времени составления завещания у Василия Дмитриевича не было своих детей, и Дмитрий Донской заботился о преемственности власти в случае смерти старшего сына. Поэтому после смерти старшего брата Юрий Дмитриевич не захотел подчиниться своему малолетнему племяннику. Но для конфликта были и другие, более серьезные причины.

Юрий Дмитриевич пытается собрать в Галиче Мерьском своих сторонников. Он согласен на перемирие, но не отказывается от завещанного ему и не обещает мира в будущем. Последовал рейд московских воевод во владения Юрия Дмитриевича, который ощутимых результатов, однако, не дал, может быть, из-за отсутствия энтузиазма у посланных. Юрия хорошо знали как одного из лучших воевод, а Устюжский летописный свод (снова периферийный) прямо говорит, что направленный против галицкого князя во главе войска его брат Андрей втайне был с ним солидарен. Летописец, как о само

собой разумеющемся, пишет, что «князь великы слышав то совокупися со всеми силами», как будто что-то зависело от десятилетнего мальчика. Великий князь, посоветовавшись «с отцем своим Фотием митрополитом», с матерью своей, с дядьями и, конечно, с дедом Витовтом, а также с иными князьями и боярами, решает направить на переговоры к Юрию Дмитриевичу митрополита Фотия.

Митрополит «не отречется» и с радостью взялся выполнить поручение. Летописец, явно негативно настроенный по отношению к Юрию Дмитриевичу, а заодно и к «черни», не без сарказма рассказывает, что галицкий князь, «слышав то собра, всю очину свою и сrete его с детми своими, и чернь всю собрав из градов своих и волостей и сел и деревень, и бысть их многое множество. И постави их по горе от града того и поиде (митрополит. – А.К.) к соборной церкви». Естественно, что получить благословение от митрополита или хотя бы взглянуть на него было всегда лестно для каждого крестьянина-христианина. Но Фотию это, не менее чем летописцу, не понравилось, и он выговорил князю: «Сыну, не видах столько народу во овчих шерстьех». «Вси бо бяху в сермягах», – поясняет летописец, а потому «святитель в глум сих вмени себе». Деталь сама по себе характерная: греки-митрополиты были далеки от идеалов печерских или троице-сергиевских подвижников, а к христианам-крестьянам относились с нескрываемым презрением. И неудивительно, что в развертывавшейся борьбе и этот фактор будет выдвигаться на первый план. Реабилитировать Митяя было некому, но имена Алексия и Дмитрия Донского будут звучать все чаще, а Сергию к собственно монашескому подвижничеству добавят и политические инициативы.

На данном этапе Юрий уступил настояниям митрополита. Летописец пытается представить это как страх перед карой Божьей. Но дипломатический маневр был в духе эпохи: князь предложил отдать вопрос на усмотрение «царя», т. е. ордынского хана, который оставался главным судьей в подобных спорах. Как покажут будущие события, сторонники в Орде у князя Юрия были.

В 1425 г. было заключено какое-то «докончание» деда Витовта с внуком Василием Васильевичем, о котором задним числом напоминает Витовту «посол от великого князя Василья Васильевича с Москвы Александр Володимирович Лыков». Из московских летописей непонятно, почему после dokonчания Витовт организует грандиозный поход на Псков, в котором участвуют «земли Литовская и Лятыскаа, чехи и волохи», а также татары Улуг-Му-хаммеда. Суть происходящего разъясняют *псковские летописи*. Еще в 1410 г. псковичи заключили мир с немцами и с Витовтом одновременно, а через несколько лет мир был подтвержден. Витовт тоже неоднократно мирился с немцами, но эти замирения были весьма непрочными. В 1421 г. Витовт потребовал от псковичей, чтобы они отказались от мира с немцами и поддержали его непосредственными боевыми действиями. Псковичи отказались нарушить «крестное целование» с немцами.

Это и явилось причиной негодования Витовта и постоянного желания наказать строптивых жителей русского города.

Псков всегда был теснее связан с Владимиро-Суздальской Русью и затем с Москвой, нежели Новгород. В том же 1421 г. псковичи просили у Василия Дмитриевича для себя князя, и по их просьбе к ним в следующем году прибыл Александр Федорович Ростовский. В 1423 г. псковичи просят московского князя, «чтобы своему тестю князю Витовту за пскович доброе слово послал, абы гнева не дръжал и вины отдал».

Но Василий Дмитриевич на просьбу псковичан не откликнулся: «И князь великий не учини на добро ничего же». Может быть, в связи с такой позицией московского князя и Александр Ростовский «выехал из Пскова и с челядью». Аналогичной была реакция московского князя и в следующем году, а также в 1425 г., незадолго до его кончины. *В сущности, Василий Дмитриевич отдавал Витовту Псков, как отдал Смоленск и некоторые другие земли, а в последние годы своего княжения, по существу, и Москву. И именно фактически безраздельное господство Витовта в Москве побуждало разные города и различные социальные слои поддерживать так или иначе Юрия Галицкого, а его имя все чаще увязывалось с воспоминаниями о Дмитрие Донском, одного имени которого в прошлом боялась ныне всеми помыкающая «литва».*

И даже в летописях, сохраняющих ритуальное почтение к титулу «великого князя», появляются тексты, не согласующиеся с общей направленностью официозных летописных сводов. В этом плане показателен и упомянутый рассказ о походе Витовта («поганого», «отступника христианския веры») на Псков в 1426 г. Первым на пути войска литовского князя стал городок Опочка, расположенный на псковско-литовском пограничье. Псковские летописи сообщают, что города Витовту взять не удалось. Жители отбивались «каменьем ово колодьем», «и множество их побиша». Простояв у Опочки «два дни и 2 нощи», «отъидоша, не учинивше граду ничто же; Бог бо святой спас блюдыще град», Витовт двинулся далее вдоль реки к Вороначу. Характерно, что в московских летописях (Симеоновской, Московском своде конца XV в. и др.) дается совершенно иной рассказ.

Рассказ, конечно, фантастический, хотя какие-то реалии в нем есть, а в основе, возможно, лежит запись участника важной самой по себе победы над Витовтом. Набранное в разных странах войско подошло к Опочке. «Людие же в граде затворишешя, потаившешя, яко мнети пришедшим пугу его; и тако начяша татары скакати на мост на конех, а гражане учиниша мост на ужищах (т.е. на веревках. – А.К.), а под ним колья изострив побиша, и яко же бысть полн мост противных, и гражана порезаша ужища. И мост падеся с ними на коліе оно, и так изомроша вси, а иных многих татар и литвы живых поймавши. В град мчаша (далее – о жестокой расправе с пленными. – А.К.)...

бе и самому Витовту видети то, и всем прочим с ним... Витовт же видел то и срама исполнися поиде прочь». Витовт идет к Вороначу, продвигаясь вдоль реки в сторону Пскова. Псковские летописи говорят об обстрелах города («пороки шибашу на град камене великое»), «Бе ворочаном притужно велми». Осажденные просят псковичей печаловаться от них Витовту: «не же челобитья не приять». Но происходит чудо: в ночь случилась страшная гроза, «Витовти в велицем страси быв, и призва к собе ворончан, и оболстив их, взя с ними перемирье». К Пскову Витовт двинулся, уже обеспечив себе тыл.

Московские летописи начинают описания событий сразу с грозы, которая пугает только Витовта и его войско: «Яко и живота сущим с Витовтом отчаатися, а он сам за столп шатерный ухватився, начат воупити: «Господи помилуй», стоный, трясыйся, мня ся уже землею пошжрен быти и в ад внити». Стихла буря, и теперь явился к нему упомянутый московский посол Лыков якобы от Василия Васильевича, упрекающего деда за разорение его отчины. Псковичи, согласно псковским летописям, готовясь к обороне, пожгли посады. Витовт потребовал с них 3 тысячи рублей откупа, но в конце концов сошлись на одной тысяче. Некоторые промосковские летописи, опять таки выдавая желаемое за действительность, сообщают, что псковичи и вовсе не отдали обещанного. Но в псковских летописях сказано даже о сроке, когда эта тысяча должна была поступить в Вильно. Ранее, чем отвезти «серебро», псковичи снова обратились в Москву, на сей раз к Василию Васильевичу, дабы «послал своих бояр к деду своему князю Витовту, и вдарили бы челом за пскович». Но «бьяше ему тогда брань велика с князем Юрьем, стрьемь своим, о великом княжении». Тем не менее внук Витовта, а точнее стоявшее за ним боярство, на сей раз содействие пообещал. В Псков прибыло московское боярство, которое вместе с псковичами повезли «серебро» Витовту. Присутствие московских бояр в составе посольства ничего не дало. Литовский князь «поганый, немилостиво имеа сердце, сребро взя, а пленных на крепости посади», позднее их пришлось выкупать за дополнительное «серебро».

В 1428 г. Витовт двинулся на Новгород. Новгородцы обратились за помощью к псковичам: «И псковичи отрекоша: как вы нам не помогосте, так и мы вам не поможем». Обычный, очевидный порок времен раздробленности. И весьма значимое следующее сообщение псковской летописи: «А князь великий тогда Василий Васильевич к деду своему князю Витовту и крест поцелова, что ему не помогати по Новегороде, ни по Пскове».

Так Москва рушила с трудом завоеванное в XIV столетии право представлять всю Северо-Восточную Русь, по существу полностью капитулируя перед литовским князем.

Неудивительно, что в этой ситуации твещичи участвовали в осаде Порхова (новгородский «пригород» в верховьях Шелони), где разворачивались основные боевые действия. Это вытекало из «докончания» 1427 г. тверского князя Бориса Александровича, фактически признавшего себя вассалом литовского князя. Новгородцы откупились огромными суммами (по разным сведениям от 10 до 15 тысяч рублей), что легло тяжелым бременем на все население принадлежавшего новгородцам Севера Руси

и зависимых от них народов.

Но недовольство в данном случае закономерно обращалось вовнутрь, а не вовне, поскольку власть, терпящая поражения, уже не может быть уважаемой.

Как и в эпизоде с обороной Опочки, московские летописи проявляют антилитовские настроения, вводя, может быть, и современные фольклорные сказания. Так, сообщается, что под Порхов Витовт пришел, имея «и пушки, и тюфяки, и пищали». А одну пушку, именем «Галка», возили посменно – до полдня и после – по сорок коней. Мастер этой пушки немец Николай похвалялся перед Витовтом, что может сокрушить каменные укрепления города и находящуюся в городе церковь Николы. И действительно, ядро пробило стену крепости и стены церкви, пролетело на другую сторону города и там убило полоцкого воеводу и многих литовцев и их коней. Священник же церкви Николы, совершавший литургию, остался цел и невредим. Сам мастер терп немецин был разметан, видимо, из-за разрыва пушки, так что ни тела, ни костей его не нашли. Все эти «патриотические» сказания поначалу, видимо, передавались изустно и лишь на каком-то этапе попали на страницы летописей. Пока же антилитовские силы находились в глухой обороне.

Как видно из упомянутого сообщения псковских летописей, после замирения в 1425 г. Юрий Галицкий пытался бороться за Москву еще в 1427 г. Но соотношение сил было явно не в его пользу, и в 1428 г. он заключает «докончание» с племянником, в котором отказывается от притязаний на «великое княжение», однако не отступая в остальном от завещания Дмитрия Донского.

Успехи Витовта в сокрушении Северо-Восточной Руси побудили императора Священной Римской империи Сигизмунда возвысить литовского князя до королевского уровня и через него продвинуть влияние католического Запада на всю Восточную Европу. На 1430 г. была намечена коронация Витовта. Сначала в Троки, а затем в Вильно съезжались приглашенные из разных стран и земель. Одним из первых в Троки прибыл митрополит Фотий, к которому князь литовский проявлял особое внимание. Естественно, прибыли и дочь Софья со внуком Василием Васильевичем, князь тверской Борис Александрович, «добившие челом» князя рязанский и пронский. Были также Ягайло, король чешский, курфюрст немецкий, кардинал от папы из Рима, магистры великий и ливонский, послы византийского императора, татарских ханов и множество других менее знатных владетелей.

Но королевские регалии не дошли до Вильно. Ягайло все время вел двойную игру, опираясь на некоторые статьи Городельской унии 1413 г., дававшей преимущества

литовским феодалам, принимающим крещение по католическому обряду, перед русскими православными, но оставившей саму Литву и литовского князя на вторых ролях как зависимое от Польши образование. Регалии были задержаны в Польше и, конечно, по распоряжению самого Ягайла. Гости разъехались, получив дары, но так и не преклонив колени перед новым королем. Витовт оставил у себя одного Фотия, но спустя 11 дней был «с дарами» отпущен и Фотий, а еще через некоторое время Витовт неожиданно скончался. В источниках нет сведений, чем была вызвана его смерть и была ли она естественной. В Литве сразу же начинается смута. Показательно, что *почти единодушно литовские бояре избирают* (вопреки статьям Городельской унии, предполагающей инициативу польского короля) *Свидригайло Ольгердовича* (ум. 1452 г.) – одного из главных недоброжелателей Витовта. В Литовском княжестве он пользовался поддержкой русских земель и православной церкви, а на Москве, куда он ранее отъезжал от Витовта, был теснее всего связан с Юрием Галицким, «побратимом» (свояком) которого являлся. Ягайло же, уступая польским панам, явно поддерживает *Сигизмунда Кейстутьевича*, младшего брата Витовта. Литовское княжество распадается на части, причем южные ее пределы становятся добычей поляков, а земли собственно литовские (где закрепляется Сигизмунд) и русские фактически изолируются друг от друга.

Серьезные изменения происходят и в Москве. В июле 1431 г. скончался митрополит Фотий, и Юрий Дмитриевич разрывает соглашение 1428 г., предлагая перенести решение в Орду. Любопытная деталь показывает, как именно осуществлялся отказ от ранее заключенного соглашения. На обороте сохранившегося текста договорной грамоты 1428 г. имеется запись: «А сю грамоту князю великому прислал складную вместе князь Юрьи, к Орде идя». Сложенные вместе грамоты обычно и означали разрыв отношений.

Москва к Орде ближе, чем Галич Мерьский, и московский князь оказался там раньше Юрия Галицкого. Выступал от имени юного Василия Васильевича боярин *Иван Дмитриевич Всеволожский*.

Московская делегация сразу связалась с Минь-Булатом – московской «дорогой» (от татарского «дарага» – чиновник в системе управления подвластными территориями). «Дороги», естественно, в первую очередь получали подарки от подопечного города и старались оказать ему те или иные услуги в Орде. В данном же случае цена была более чем высокой и было ради чего постараться. Минь-Булату противостоял «князь великий ординский» Тягиня из рода Ширинов. Титулами он, несомненно, превосходил «дорогу» Минь-Булата и похоже на первых порах имел перевес в спорах о том, кому отдать ярлык на великое княжение. Иначе трудно понять, зачем Тягиня увел своего подопечного Юрия «в Крым зимовати». А пока друзья там «зимовали», в Орде настроения изменились, чему в большой степени способствовал боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.

Аргументы Юрия Галицкого очевидны: завещание Дмитрия Донского и давняя практика на Руси выявления «старейшего», запутавшая междукняжеские отношения еще в XI – XII вв. У Василия Васильевича тоже были основания ссылаться на «отчину и дедину», но Иван Всеволожский решил, что лучше «мертвой грамоте» противопоставить ханское жалование. Улуг Мухаммед же (Махмет русских летописей) явно колебался, что и отразилось в летописях, различно толковавших окончательное решение ордынского хана (новгородские и псковские летописи вообще считали вопрос нерешенным). Согласно *московским летописям*, на хана подействовал намек Ивана Всеволожского, что в Литве теперь сидит «побратим» Юрия Свидригайло и что в самой Орде Тягиня с их помощью может возвыситься над всеми остальными. Хан подобные «аргументы», очевидно, более всего убеждали, и он отдал предпочтение Василию Васильевичу (или же пересмотрел прежнее решение). Видимо, не без участия Тягини в Орде началась очередная «замятия», когда против Улуг Мухаммеда выступил поддерживаемый Тягиной Кичик Мухаммед. Хан пошел на уступки прежде всего Тягини, передал Юрию Галицкому Дмитров и отпустил князей на свои отчины, так и не решив вопроса о «великом княжении». Однако несколько месяцев спустя на Москву явился ханский посол Мансыр Улан, который и привез Василию Васильевичу ярлык на великое княжение. Возможно, новое решение хана было неожиданным для Юрия Дмитриевича. Он успел уже обосноваться в Дмитрове, но теперь был вынужден покинуть его и уйти в Галич. В свою очередь московский князь «взя Дмитров за себя и наместников его сослал, а иных поймал».

1433 г. в московских летописях содержит целый ряд сюжетов, способных привлечь исторических романистов. В большинстве летописных сводов статья под 1433 г. открывается сообщением о бегстве боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского от великого князя сначала в Углич, к Константину Дмитриевичу, некогда находившемуся в оппозиции к своему брату великому князю Василию Дмитриевичу, затем в Тверь, а позже в Галич. Из этих сведений не видно, что же было причиной размолвки князя и боярина, являвшегося первым советником Софьи Витовтовны и затем обеспечившего великокняжеский стол Василию Васильевичу. Л.В. Черепнин, стараясь объяснить столь неожиданный поворот, приводит интересные факты из биографии Ивана Всеволожского: он был связан с домом тысяцких Вельяминовых. Но эта связь объясняет как раз его близость к Софье, имевшей основания привечать недругов Дмитрия Донского, и в какой-то мере к Василию Дмитриевичу, но никак не к галицкому князю, постоянно напоминавшему об отцовском завещании. А простой ответ похоже содержится в Никоновской летописи, к которой исследователи обращаются в последнюю очередь из-за большого количества сомнительных, труднопроверяемых известий: «Боярин великого князя Василия Васильевича Иван Дмитриевичь, служивый ему со всем предложением и истинным сердцем во Орде, и великое княжение ему у царя взя, и восхоте за великого князя... дочь свою дати; и о сем слово ему бысть с великим князем. И якоже бывшим им на Москве, и не восхоте сего князь великий... и мати его София Витовтовна, но восхотеша дочь Ярославлю». Следовательно, конфликт

произошел из-за того, что великий князь отказался взять в жены дочь боярина Ивана Всеволожского.

«Дщерь Ярославля» – это *Мария Ярославна*, внучка Владимира Андреевича Серпуховского. Жених и невеста, таким образом, родственники в четвертом колене (христианство разрешает браки с третьей степени родства). Ярослав Владимирович в 1414 г. отъезжал в Литву, а в 1421 г., когда противостояние Витовта и Фотия сменилось благорасположением, вернулся в Москву. В 1426 г. он скончался и был похоронен в Архангельском соборе Кремля – московской княжеской усыпальнице. Выбор Софьей невесты для своего сына, очевидно, не был случайным.

Скандал, происшедший на свадьбе Василия Васильевича и Марии Ярославны, летописи описывают в одних и тех же выражениях, следуя ранее записанному тексту, почти сказочного содержания. На свадьбе, состоявшейся 8 февраля 1433 г., среди прочих гостей были и сыновья Юрия Дмитриевича – *Василий Юрьевич Косой* (ум. 1448 г.) и *Дмитрий Юрьевич Шемяка* (ок. 1408–1453). Наместник московского князя в Ростове Петр Константинович «познал» «на князе Васильи Юрьевиче пояс злат, на чепех, с каме-нием, что был приданой князя великого Дмитрея Ивановича от князя Дмитрея Константиновича Суздальскаго». Далее следует ремарка, восходящая к источнику многих летописей: об этом вроде бы маловажном эпизоде приходится говорить потому, что из-за него случилось большое зло. И последующую часть они излагают вполне идентично. Рассказ же интересен именно своеобразными цепями взаимосвязей, переходящих от поколения к поколению.

Выше говорилось, что род тысяцких Вельяминовых был изначально враждебен Ивану Ивановичу и затем Дмитрию Донскому. И в этом рассказе в качестве негативной фигуры представлен тысяцкий Василий, сын Василия Вельяминовича. Василий Васильевич имел отношение к убийству в 1357 г. тысяцкого Алексея Петровича Хвоста, близкого Ивану Ивановичу, а затем бежал с другими заговорщиками в Рязань, но через некоторое время был возвращен великим князем после встречи с двумя заговорщиками в Орде. Сын последнего тысяцкого Иван Васильевич открыто боролся против московского князя и в Орде, и в Твери, и в Серпухове, и по приказу Дмитрия был убит в 1379 г. Но другой сын – Микула – погиб в следующем году на Куликовом поле, т. е. оставался на стороне московского князя. Согласно рассказу о свадьбе, именно тысяцкий Василий подменил пояс: «Князю великому дал меншой, а тот дал сыну своему Микуле, а за Микулою была того же князя Дмитрия Константиновича... дочь его болшая Марья, и Микула тот пояс дал в приданое же Ивану Дмитриевичу; а Иван Дмитриевич дал его за своею дочерью князю Андрею Владимировичи), потом же, по смерти Андрееве и по Ордынском приходе, Иван Дмитриевич князю Андрееву дщерь, а свою внуку, обручал за князя Василья Юрьевича и тот пояс дал ему; и на свадьбе великого князя Василиа Васильевича был

на нем». В этой истории преступник лишь один – тысяцкий Василий Вельяминов, укравший княжеский пояс. Микула был свояком Дмитрия Донского, а Иван Дмитриевич Всеволожский – зятем Микулы. Андрей – сын Владимира Андреевича Серпуховского, князь Волоцкий и Ржевский, скончался в 1426 г. и был похоронен в Троицко-Сергиевом монастыре (монашеское имя Савва).

О каком «ординском» приходе идет здесь речь – неясно. Набеги на Рязанские «украины» под такое определение явно не подходят, а большое вторжение, осада Галича и разорение областей Верхнего Поволжья в 1428 г. или 1429 г. (в летописях дата воспроизводится по разным стилям) осуществлялась не «ординскими», а казанскими татарами. Об этом прямо сказано у Татищева, да и согласно летописным данным, московские воеводы преследовали их до Нижнего Новгорода. Значение же этой детали в том, что запись явно не московская, и *представляется возможность искать какую-то немосковскую летописную традицию.* (Кстати, недавно А.Г. Авдеев выделил фрагменты оригинального галичского летописания середины XV в., носящего явную антимосковскую направленность.)

Таким образом, сын Юрия Галицкого Василий женился на дочери Андрея Владимировича и внучке Ивана Всеволожского незадолго до описываемых событий, и вместе с женой получил великокняжеский пояс Дмитрия Донского.

Согласно летописному рассказу, Софья публично сорвала пояс с Василия Юрьевича, нанеся таким образом оскорбление, которое никто и никогда не прощал. Был ли такой факт? С точки зрения права, духовная Дмитрия Донского дает преимущество Юрию Дмитриевичу, а не Василию Васильевичу. «Царское жалование» личного имущества обычно не касалось. Другое дело, что подобное оскорбление могло символизировать объявление войны.

Но в статье того же года в летописи указана и иная причина. Иван Дмитриевич Всеволожский сначала отправился в Углич к Константину Дмитриевичу. Из Углича он повернул – явно не по пути в Галич – на Тверь и лишь после этого, видимо, ничего не добившись у князей, не желавших определять свою позицию, направился в Галич. Все-таки он опасался своего визита к князю Юрию Галицкому, против которого всего несколько месяцев назад интриговал в Орде. В летописях именно Иван Всеволожский подбивает Юрия Галицкого бороться за «великое княжение», и князь посылает за своими сыновьями, не зная, что произошло на свадьбе. В летописной статье явно соединены разные источники, по-разному объясняющие завязку многолетнего конфликта. Позднейший же летописец, соединяя их, не позаботился (к счастью для

исследователей) о согласовании. Конечно, Юрию был нужен повод, а когда требуется повод, разные версии могут уживаться даже при их полной несовместимости. В данном случае версия о происках Ивана Дмитриевича может быть связана с оправданием виновников его последующей трагической судьбы, а версия о «поясе» – оправданием непродуманных действий сыновей Юрия Галицкого.

Вторичность и легендарность рассказа о «золотом поясе» проявляется и в том, что обозначенный «разоблачитель», ростовский наместник Петр Константинович, появится на Москве лишь после того, как войско, собранное Юрием, выступит в поход на Москву из Галича. Да и передать он в крайнем случае мог лишь придворную сплетню (Дмитрий женился почти за 70 лет до свадьбы Василия Васильевича). Тем не менее **в легенде заложено немало информации как чисто источниковедческого, так и политического (и придворного) характера, а события 40–50-х и отчасти 70-х гг. XIV столетия без этого рассказа не могут быть вполне осмыслены.**

Скандал на свадьбе, согласно летописям, стал поводом к началу войны между Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем. Москву Юрий Дмитриевич занял довольно легко. Московский князь и его советники не были готовы к отражению собранного галицким князем войска, мирные предложения их были отвергнуты, а москвичи и их воеводы не проявляли энтузиазма в обеспечении защиты своего князя. «От москвич не бысть никоея же помощи, ꙗкоже отметил летописец, ꙗко мнози бо от них пиани бяху, а и з собою мед везяху, что пити еще». Василий Васильевич вместе с матерью и молодой супругой Марьей спешно бежит в Тверь, а затем на Кострому. В марте 1433 г. Юрий «сел на великом княжении», а затем направил своих сыновей и сам отправился к Костроме, где и пленил племянника. «Он же со слезами доби челом дяде своему», а гарантом искренности и верности племянника выступил любимец галицкого князя ꙗко боярин Семен Морозов. Юрий отнесся к племяннику поꙗко родственному, но Иван Дмитриевич Всеволжский и другие были раздосадованы таким поворотом дела. И все же Семен Морозов уговорил князя Юрия заключить мир с племянником и дать ему удел в Коломне. «Князь Юрьи же Дмитриевичь сотвори пир на братанича своего ... и даде ему дары многи и отпусти его на удел на Коломну, и всех бояр его с ним», – сообщает летопись. А на Коломне сразу же стали собираться все недовольные произошедшими переменами.

Для феодальной системы характерны иерархии сословий, земель, городов. В любом княжестве столица и ее жители имели больше прав, нежели «пригороды» – города как бы второй категории. Московское боярство и дворянство к этому времени уже возвышалось над остальными как привилегированное сословие. Появление в Москве многочисленных выходцев из небольших городов Поволжья задевало привычные чувства московских служилых людей, и они теперь ради возвращения неоправданного,

но укоренившегося самосознания готовы были на время забыть и про свои беды. Именно этим объясняется, что Коломна стала центром притяжения для многих москвичей. В то же время многие из тех, кто поддержали Юрия, были разочарованы: Москву заняли, но практически ничего от этого не получили. Юрия бросили даже собственные дети – Василий и Дмитрий Шемяка, возмущенные его мягкотелостью. Убив ненавистного им Семена Морозова, они бежали в Кострому. Ощувив себя всеми покинутым, Юрий, так и не доказавший ни себе, ни другим, что способен быть «великим князем», предложил Василию Васильевичу вернуться на великое княжение, сам отправился в Звенигород, а затем в Галич.

Вернувшись в Москву, Василий немедленно потребовал от Юрия «детей своих к себе не примати и помочи им не давати». Схваченного Ивана Дмитриевича Всеволожского он приказал ослепить, тем самым предопределив и свою судьбу. На братьев Юрьевичей была направлена рать во главе с князем Юрием Патрикеевичем, но московское войско потерпело сокрушительное поражение, а сам воевода попал в плен. Обвинив Юрия Галицкого в помощи сыновьям (а с ними были «вятчане и галичане»), московский князь направил войско теперь уже против Галича. Юрий бежал к Белоозеру, Галич был сожжен московским войском, «а люди в плен поведе и много зла сотвори земле той». Юрий отреагировал достаточно быстро, собрал большое войско, привлек и третьего сына – Дмитрия Красного и одержал над московским князем и его воеводой Иваном Можайским убедительную победу. Московский князь бежал в Нижний Новгород, а Иван Можайский в Тверь. Уговорив его отстать от Василия Васильевича, Юрий вместе с ним вступил в 1434 г. в Москву. Но на великом княжении он пробыл совсем недолго. Когда уже казалось, что вопрос окончательно решен, и Василий Васильевич, всеми оставленный, не смог сбежать в Орду, блокированный отрядами сыновей Юрия, пришла весть, что Юрий скончался, а на великом княжении сел его старший сын – *Василий Косой*. Он сам

направил братьям уведомление о смерти отца и о своем вокняжении. Но два Дмитрия не приняли своего брата: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебе и сами не хотим». Они направляют посольство к Василию Васильевичу, приглашая его занять Москву и активно помогая ему в этом. В итоге Василий Юрьевич уходит в Дмитров и затем в Кострому. Он продолжает бороться за великокняжеский стол, но теперь уже не в союзе с братьями, а против них. В 1436 г. Дмитрий Шемяка явился в Москву, чтобы пригласить великого князя Василия Васильевича на свою свадьбу, но был схвачен и, закованный в железа, отправлен в Коломну. Теперь двор Дмитрия Шемяки переходит на сторону старшего Юрьевича, но меньшей – Дмитрий Красный остается с московским князем. С литовской помощью Василий Васильевич одерживает решающую победу над своим тезкой и продолжает счет жестоким казням, занесенным в свое время из Византии, но не применявшимся в княжеских усобицах с XIV в. – Василия Косого ослепили и бросили в темницу. Несмотря на сохранявшиеся противоречия, на некоторое время вопрос о власти в Москве был закрыт.